

Земельный вопрос

Василий САБЛИН:

У НАС МАЛО ЛЮДЕЙ,
ПОЛАГАЮЩИХСЯ НА СЕБЯ

Острейшие вопросы нашей жизни, которые принято называть на Руси проклятыми, с удивительной синхронностью всплывают в ней. В начале XX века остро стоял вопрос о земле, и в начале XXI он опять главный. Что делать с землей? Над этим уже бьются в Думе и правительстве, а еще больше на местах, где явочным порядком уже вводят частную собственность на нее. Не осталась в стороне и Вологда. Недавно здесь в филиале Северо-западной академии государственной службы издана обширная монография известного вологодского историка, декана исторического факультета ВГПУ Василия Саблина «Аграрная революция на Европейском Севере России 1917-1921 годы. (Социальные и экономические результаты)». С 28 февраля по 1 марта в областной универсальной научной библиотеке Вологодское общество изучения Северного края проводит межрегиональную научно-практическую конференцию «Русский Север. Земля. Проблемы и суждения». Разговор с В.А.САБЛИНЫМ и предвзвешивает ее.

Наталья СЕРОВА

- Василий Анатольевич, ваша монография охватывает определенный период времени. Почему?

- Потому что этот период в истории XX века в решении аграрных вопросов в нашей стране является ключевым. В эти годы произошла коренная ломка аграрного строя страны.

- Вернемся к некоторой исходной точке. До Великой Октябрьской революции, при тех несовершенных аграрных отношениях, Россия кормила себя и торговала хлебом со всем миром.

- Это так, хотя есть мнение, что это был голодный рынок и голодный экспорт. Крестьянин зачастую продавал из нужды, чтобы обеспечить себя финансово. Хотя Россия давала в эти годы четверть мирового производства ржи и определяла хлебную политику в Европе в целом.

- Обе русские революции начала XX века назывались «аграрными». Какие аграрные вопросы не решили они?

- Россия подошла и к первой, и ко второй революции с одними и теми же проблемами: аграрное перенаселение, малоземелье, низкая продуктивность хозяйства.

- Почему так? В вашей книге приведено высказывание американского посла Д.Френсиса: «Союзники желают помочь и поощрить Россию. Но помните, что Бог помогает только тем, кто умеет помочь себе». Выходит, мы всегда не умели и не умеем помогать себе?

- У Френсиса есть, конечно, доля риторики и популизма, но Россия всегда была самонаблюдающей страной, и, уповав на Бога, мы возделывали землю на уровне потребительских запросов, худо-бедно обеспечивали себя. Проблема в другом: в развитии производства и его эффективности, придании ему товарного характера в начале XX века.

- Понимаю, только в нашей стране касательно истории возможно сослагательное наклонение, но все же, может, не стоило тогда переворачивать все в деревне? Не следовало ли оставить ее на том уровне, если он позволял всех всем обеспечивать и Европу кормить?

- Может быть, и не стоило, если бы деревня сама этого не хотела и не требовала; ведь аграрная революция - это прежде всего порыв низов, самой деревни, ее желание переустроить все и вся.

- В книге вы приводите главное чаяние тогдашнего мужика: «Вольный труд на вольной земле». Но ведь это утопично!

- В идеале, крестьянин хотел всегда не свободы, а вольной волюшки: быть свободным от всех обязательств. Неслучайно казачий идеал бытия был всегда вожденной целью для крестьянина, и он всегда шел за казачьими атаманами в XVII и в XVIII веках. Воля и вольный труд на этой земле вне связи с городской цивилизацией, вне государственных запросов - этого хотел мужик и полагал, что вся земля, на которой работали его деды и прадеды, принадлежит ему по праву. И поэтому с ненавистью всегда смотрел на всякого рода частную форму земельной собственности. В особенности - на помещичью землю и на землю своего собрата отрубника-хуторянина.

- А здесь нет парадокса: хотел владеть землей и был одновременно против собственности?

- Сложна крестьянская психология; вряд ли мужик хотел землю в собственность. Он зачастую не разделял эти правовые категории - пользование и владение, но требования его сводились к отнятию частных владений, перераспределению и далее к уравнительному общинному пользованию, с периодическими переделами, «дабы не выпендривались».

- Этим он сам подходил к предколхозной фазе?

- Нет, община - это традиционная форма организации крестьянства России, которой тысяча лет; у нее есть свой инструмент, своя земельная практика.

- Объясните суть общины.

- Она идет с Киевской Руси и является формой организации земледельцев, живущих в одном селе и распоряжающихся земельными угодьями по бытовым нормам общинного

Они сопряжены друг с другом, но в эсеровской трактовке речь шла о том, кто будет распоряжаться землей, то есть та же община. В этом вся суть, и не более того. А что до разрушительных последствий, то деревня социализировала землю и производство настолько, насколько вообще могла. И мы получили в результате этого аграрный строй, абсолютно неперспективный, реализовав крестьянскую утопию. И даже если бы здесь большевиков не было, мы все равно получили бы то, что получили. Распылить крупное товарное производство хозяйств на мелкие parcelлы, раздробить и на этой основе пытаться получить эффективное сельскохозяйственное производство - утопия. Мы получили потребительский тип хозяйства, по условиям нашего Севера даже не обеспечивающий свои потребительские запросы.

- Так зачем был нужен этот огромный черный передел?

- Большевики прекрасно понимали, к чему может привести этот передел; черного передела их программам никогда не было, они были за коллективизацию изначально...

- ...то есть они были за еще более крупные хозяйства, чем помещичьи?

- Необязательно, ведь не все помещичьи хозяйства были латифундиального типа. Большевики видели перспективу в производственном кооперировании деревни, в колхозизации, как теперь на Западе любят говорить. Но захватив власть, большевики должны были нейтрализовать деревню политически.

- То есть как?

- Позволить ей решать земельный вопрос так, как крестьяне считали необходимым. До весны 1918 года деревня оказалась нейтральна к той политической канве, что была в столицах. Она занималась тем, что готовилась к переделу земли. А с весны 1918-го года большевики посчитали возможным перенести гражданскую войну в деревню, применив продотрядовскую и комбедовскую практику.

- Выходит, большевистский Декрет о земле был политической декларацией, и ничего из него не следовало?

- Он действительно был декларацией. Но его основу составлял крестьянский наказ о земле, который был опубликован эсерами еще в августе 1917 года. А вот закон о социализации земли 1918 года уже прописывал весь порядок черного передела и пользования землей. На местах он упрощался и часто не выполнялся.

- Такое ощущение, что с начала XX века на деревню сыпались большие и малые беды: нехватка хлеба, с началом войны мировой - труджуповинности, снабжение

Фото Анатолия СЮЛИНА

С 28 февраля по 1 марта в областной универсальной научной библиотеке Вологодское общество изучения Северного края проводит межрегиональную научно-практическую конференцию «Русский Север. Земля. Проблемы и суждения».

армии лошадыми, сеном, позднее стихийные переделы. За всем этим стройной аграрной политики просто не просматривалось.

- О, в конце концов это превратилось в довольно стройную и жесткую систему военного коммунизма, и деревня в этой системе играла ключевую роль...

- Как писал крестьянин Тотемского уезда А.А.Замараев: «А у нас, впрочем и везде, республика взяла скотину, коров, сено, масло, картофель, солому, хлеб, овец, шерсть, овчины, опойки, лен, крупу и все, все. Взамен не дала ничего».

- Это так, но в этой ситуации агрессивность большевистского государства была predetermined. Все режимы в период первой мировой войны отыгрывались за счет населения. И вообще, весь XX век наша страна жила за счет деревни, за счет двужильной деревенской бабы.

- Этот большевистский подход «бери, не считаясь ни с чем» обнаруживал нескрываемую ненависть к деревне.

- Это была партия пролетариата, и крестьян они в лучшем случае считали своими попутчиками. Крестьянин представлялся им в двух ипостасях: труженик и собственник, и собственническое начало в нем вытравляли каленым железом сознательно.

- А разве не утопично раздвигать две эти ипостаси?

- Утопично и нереально, но большевики усматривали в крестьянстве чуждый пролетарской системе элемент и использовали его лишь как материал для решения своих задач.

- Подытожить этот период можно словами крестьянина из фильма «Чапаев»: «Белые пришли - грабят, красные пришли - грабят... Куды бедному крестьянину податься?» Вопрос-то остался актуальным и по нынешнее время.

- Аграрный вопрос - про-

клятый для России. Пережили период фермеризации, и он не дал нам ничего. Отчасти сему виной опять общинная деревенская психология.

- Закончился тупиковый аграрный вековой виток, и мы снова перед новым земельным переделом. Что делать?

- Бокось, что мы действительно ходим по кругу. У нас мало на себя полагающихся людей: есть смысл снова сделать ставку на крупные бывшие колхозы, ООО, товарищества, совхозы, фермерские хозяйства, т.е. на многообразные форм. Мы - государственники, делаем ставку на свою самодостаточность. Это сродни изоляционизму, и это от неуверенности в завтрашнем дне. С Петра I пытались интегрироваться в мировую экономику; при большевиках снова стали закрытым обществом. Теперь все чаще слышишь о продовольственной безопасности, звучат призывы кормить себя самим, одновременно стремимся в WTO.

- Опять парадокс. WTO будет жестко диктовать, что сеять; а как показывает европейская практика, наладить вето: вообще не сеять. Пустые поля Венгрии тому наглядный пример. Возвращаясь к самому популярному проклятому вопросу: что же нам делать?

- По логике вещей, надо исправлять нашу ментальность.

- Но ведь она не вывих, не болезнь.

- Не болезнь. Мы такие, какие есть. С коллективистским, общинным сознанием, с властью, для нас всегда персонафицированной; которую ругаем и от которой всегда всего готового ждем. Большевики законсервировали у нас эту ментальность. Была Святая Русь, народ-богоносец, стала - колыбель революции, передовой авангард человечества...

У нашего диалога - открытый финал. На круглом столе в «КС» по окончании конференции по земле мы попробуем с помощью его участников если не найти выход, то обозначить реальные перспективы аграрного вопроса.